

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 237–249, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-237-249
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 82.0

The Kalmyk Expatriate Community: History of the Emergence (1920–1930s)

Delgir Yu. Topalova ¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: topalovady@kigiran.com

Abstract. When it comes to the emergence of the Kalmyk expatriate community one should keep it in mind that it was actually a multifactoral phenomenon. This is confirmed by the fact that, despite their small numbers in foreign environment and arduous — even tragic — living conditions, the Kalmyk forced emigrants never got assimilated. On the contrary, they devoted their efforts and all intellectual forces to reviving their national culture, namely: preservation of historical memory, consciousness, language, traditional script and literature. So, even though the Kalmyk emigrants had settled abroad, each of them felt deeply connected to everything that happened in the far and beloved homeland of Kalmykia. This is evident from educational, publishing, historical, socio-political, and literary activities conducted by leaders of the Kalmyk expatriate community — Sanzhi Bayanov, Badma Ulanov, Shamba Balinov, Sanzhi Balykov, etc. Any work published — be it a report, a sketch or a poem — is actually a compressed painful experience, and contains testimony of the unconditional priority of the national idea. In fact, this very feature helped the isolated Kalmyk emigrants retain their national identity.

The investigation of literary activities within the émigré circles is preceded by exploration of the emergence of the 20th century Kalmyk expatriate community — constituted by forced emigrants to Europe and the US in the aftermath of the Russian Revolution and WWII — with evidence from historical materials, archival documents and literary works of Kalmyk émigré writer S. Balykov. On reaching the foreign lands, the emigrants understood that was point of no return and, thus, had to adapt to harsh conditions of life. The history of both the Kalmyk and Russian émigré communities witnessed an attempt of repatriation which, however, ended up tragically: as is known, the repatriation process of the early 1930s resulted in mass repressions and subsequent executions. Discussing the issue of the emergence of the Kalmyk expatriate community, the paper concludes that the history following the Great Russian revolution and defeat of the White Army can be characterized as tragic. Thus, the Kalmyk emigrants naturally and by all means adhered to anti-Soviet positions to the last.

Keywords: history, S. Balykov's literary works, Great Russian Revolution, Kalmyk expatriate community, Cossacks, White Army, Zyungarsky Regiment, evacuation, policy.

Калмыцкое зарубежье первой волны представляет собой сложное явление, сложившееся в результате вынужденной миграции населения в годы Великой Российской революции и Гражданской войны (1917–1922) в страны Европы. События истории, как известно, развернулись таким образом, что единая страна была разделена на два непримиримых лагеря, каждый из которых нес в себе идеи, связанные, как им тогда казалось, с установлением новой жизни. Деятельность и творчество многих ее представителей — литераторов, видных общественно-политических деятелей: Б. Уланова, Ш. Балинова, С. Баянова, Э. Хара-Давана, С. Балыкова, А. Борманжинова и др. — представляют существенный научный интерес, позволяя определить картину развития духовной жизни калмыцкого народа в начале XX в. Феномен калмыцкого зарубежья заключается в том, что деятельность его ярких представителей сводилась к одному общему направлению — трепетному сохранению и развитию богатейшего наследия калмыцкой культуры в иноэтнической среде. Национальное возрождение калмыцкого народа, сохранение родного языка, письменности, развитие национально-общественной мысли, этнического самосознания стали общей задачей становления и развития калмыцкой эмиграции.

В калмыцкой науке проблема зарубежья в целом, ввиду определенных идеологических принципов, до начала 1990-х гг., как известно, была закрыта. В настоящее время она является малоизученной. Однако при общей неразработанности проблематики некоторые общие и частные вопросы все же введены в научный оборот. Сегодня материалы по изучению литературной деятельности калмыцкой эмиграции можно условно разделить на четыре группы: 1) работы социально-исторического характера; 2) непосредственно литературоведческие исследования; 3) интегрированные работы лингво-литературоведческого плана; 4) источниковая база, подразделяющаяся на периодическую печать (журналы «Хонхо», «Улан Залат», «Ковыльные волны», «Ойрат», «Информация», «Вольное казачество», «Казакция»), литературные произведения, публицистические статьи самих эмигрантов, а также опубликованные и неопубликованные данные из историко-документального фонда.

К работам первой группы, условно названной нами социально-исторической, относятся научные статьи, а также монографии А. Т. Горяева, И. В. Борисенко «История зарождения калмыцкой эмиграции», «Гражданская война: „калмыцкий исход“» [Горяев, Борисенко 1998]. Обе книги явились важной вехой в изучении истории калмыцкой эмиграции. Хронологические рамки исследования (1917 — конец 1930-х гг.) подразумевают поэтапное рассмотрение малоисследованных путей ее зарождения и развития. Подобный подход позволяет представить целостную картину калмыцкого зарубежья как «политического, социального, культурного феномена» [Горяев, Борисенко 1998: 6]. Исследователи указывают на «полиморфный и синкретичный характер этого явления, требующего междисциплинарного подхода в его изучении» [Горяев, Борисенко 1998: 6].

История возникновения калмыцких общин в эмиграции, в странах Западной Европы и Америки, также стала предметом внимания в трудах П. Э. Алексеевой [2010; 2012], статьях Д. А. Шарманджиева [2013], Н. П. Мацаковой [2015], Э.-Б. М. Гучиновой [2004]. От всех работ отличается монография последнего исследователя. Ведущим для автора является антропологический подход. Временное пространство охвата событий достаточно большое — это 1917–1990 гг. Судьба эмигрантов двух исходов, жизнь их потомков, соотношение калмыков зарубежья и калмыков России, определение этнического бытия, феномена культурной и национальной идентификации — все эти и другие вопросы стали предметом изучения Э.-Б. М. Гучиновой. Использование историко-ситуативного метода позволило автору сфокусировать внимание в первую очередь на внутренних объяснениях и мотивах, а не на создании цельной теории диаспоры, ввиду общей сложности и разнородности этого феномена [Гучинова 2004].

Плодотворная издательская деятельность калмыцкой эмиграции, являвшаяся, по сути, началом ее литературной деятельности, стала предметом внимания и в статьях А. Т. Баяновой «„Хонхо“ как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья» [2014], «Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков» [2013], «Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков» [2012]. Говоря об издании «Хонхо» («Колокол»), А. Т. Баянова приходит к спра-

ведливому мнению о том, что феномен этого издания заключается, по сути, в его уникальности: «немногочисленной калмыцкой интеллигенции в эмиграции удалось издать за небольшой срок пребывания на чужбине (десять лет) столько, сколько не удавалось калмыкам за трехсотлетнее пребывание (к началу XX в.) в составе Российской империи» [Баянова 2014: 10]. Эта мысль относится не только к журналу «Хонхо», но и ко всей издательской деятельности калмыцкой эмиграции.

Среди работ литературоведческого характера, посвященных изучению деятельности калмыцкого литературного зарубежья, следует отметить кандидатскую диссертацию Б. А. Бичеева «Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (1920–1930 гг.)», в частности главу третью «Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (1920–1930 гг.)». Исследователь ставит цель рассмотреть литературную, шире — культурную деятельность эмиграции, выявить основные закономерности в развитии литературной деятельности калмыцкой эмиграции. Автор приходит к обоснованному выводу о том, что в деле создания эмигрантами национальной литературы, безусловно, присутствуют законы преемственности существовавших традиций разных эстетических направлений в калмыцкой литературе 20–30-х гг. XX в. [Бичеев 1993: 20]. Ярким тому примером служат произведения писателя-эмигранта Санжи Басановича Балыкова (1893–1943), основу творчества которого составляет фольклорная образность.

Литературовед Р. А. Джамбинова также разделяет позицию, которой придерживается Б. А. Бичеев. Она приходит к выводу о богатом национальном колорите повествования Санжи Балыкова, представленного не через внешнюю принадлежность к национальной традиции, а через образ мышления его героев, персонажей; приметы национального характера, его мировосприятие. Национальный стиль — «в его манере письма, в авторском художественном мире», в образе его мышления, — утверждает Р. А. Джамбинова [1993: 98].

Серия статей о литературной деятельности калмыцкой эмиграции представлена американским ученым, академиком Нью-Йоркской академии наук, доктором филологических наук, профессором Арашем Борманжиновым. Уникальность его мате-

риалов, представленных на суд читателя, заключается в том, что исследователь ввел в научный оборот немаловажные сведения о жизни С. Балыкова, причем не только биографического, но и литературоведческого характера [Борманжинов 1996; 1997; 1998].

Творчество С. Балыкова также стало предметом изучения в статье Т. Г. Басанговой «Обряды и обрядовый фольклор калмыков в романе С. Балыкова „Девичья честь“», в которой особое внимание уделяется обрядовым застольным песням, а именно: песням с подношением — *оньгин дун* [Басангова 2015].

Интересными с позиции смежных наук — литературоведения и лингвистики — являются работы А. А. Бурыкина. Так, в статье «Донские диалектизмы и южно-русская региональная лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санжи Балыкова» ученый высказывает мнение о том, что С. Балыков вне зависимости от своей биографии может быть отнесен к первому поколению калмыцких писателей, пишущих по-русски и предназначенных свои произведения для русскоязычных читателей или читателей-полиглотов, каких представляла собой европейская калмыцкая диаспора 1920–1940-х гг. Нельзя не согласиться и с той его мыслью, что писателя следует считать «одновременно и одним из создателей калмыцкой зарубежной литературы, и представителем русской литературы зарубежья 1920–1940-х гг., и одним из основоположников современной русскоязычной калмыцкой литературы» [Бурыкин 2006: 62].

В изучении проблемы литературной деятельности калмыцкой эмиграции достаточно актуальным на сегодня является выявление процессов ее возникновения, становления и развития, рассмотрение художественно-эстетических и идеологических особенностей развития в системе национальных художественных ценностей, изучение проблемы национальной идентичности. В этом отношении особый интерес вызывают творчество и публицистические произведения лидеров калмыцкого зарубежья — русскоязычного писателя С. Балыкова, а также видных общественно-политических деятелей, представителей калмыцкой интеллигенции начала XX в.: Э. Хара-Давана, Ш. Балинова, С. Баянова, Б. Уланова. Изучение вышеназванных вопросов на примере деятельности и творчества указанных авторов позволяет выявить картину развития

духовной и общественно-культурной жизни калмыцкого сообщества в начале XX в. Литературное наследие калмыцкой эмиграции является составной частью и бесценным достоянием не только калмыцкой культуры, но и общероссийского литературного процесса в целом. Однако, прежде чем приступить к изучению вышеназванных проблем, мы считаем необходимым отразить исторический фон зарождения калмыцкого зарубежья, расселенного в разных странах в результате вынужденных эвакуаций. Цель статьи заключается в попытке изучения вопроса возникновения калмыцкой эмиграции 1920–1930-х гг. XX в. Принцип историзма, применяемый в работе, позволяет поэтапно, исходя из социально-политических процессов указанного периода, проследить зарождение калмыцкой эмиграции XX в. Материалом послужат воспоминания участников Гражданской войны, изданные в эмигрантских изданиях конца 1930-х гг. XX в., в частности в журналах «Ковыльные волны», а также художественные и публицистические произведения талантливого писателя-эмигранта Санжи Балыкова (1894–1943), публициста, яркого общественно-политического деятеля, непосредственного участника Гражданской войны, офицера Зюнгарского полка Белой армии, где служили донские калмыки. Все произведения калмыцкого художника слова автобиографичны. Тщательно, с документальной точностью, по следам своей памяти, он составлял в них своеобразную правдивую историческую летопись.

Одновременно с началом Великой Российской революции 1917–1922 гг. в Калмыкии активно проводилась важная социальная реформа — переход в казачество, что несло за собой большие изменения в общественной жизни калмыков. Для сторонников казачьего движения это был шаг в сторону административного и духовного объединения людей. Хронику этого исторического момента в судьбе калмыцкого народа мы находим в романе «Девичья честь». Так, выражая свои мысли через действия и мысли главных героев (Бадни Цагакова и Цецени Кермяковой), С. Балыков указывал, что сложившаяся (в результате политики российского правительства) на тот период искусственная разъединенность народа на три части — «донцов», «ставропольцев» и «астраханцев» — расценивалась

им как коренное зло [Балыков 1993: 78], несущее незаметное и тихое растворение в окружающей среде иного народа [Балыков 1993: 103]. Необходимо отметить, что задачи предстоявшей реформы были связаны и с получением для калмыцких кочевий особого административного статуса и тех привилегий, которыми пользовалось казачье сословие, казачьи войска в дореволюционной России [Борисенко, Горяев 1998: 10]. По мнению С. Балыкова, необходима была своя местная выборная власть, культурная, административная и хозяйственная автономия, низшая и высшая школы с преподаванием на родном языке, право на его употребление во внутреннем делопроизводстве [Балыков 1993: 79]. Самое же главное, на что была направлена реформа, связанная с переходом в казачество, — земельные интересы: «сохранение в неприкосновенности земель от уравнительной разверстки» [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 34].

Идея вступления в казачество не была нова для калмыцкого народа¹. Первостепенную роль в разрешении этого вопроса сыграл нойон Малодербетовского улуса Д. Тундутов² (1888–1923). Согласно историческим данным, благодаря работе нойона и его группы идея перехода в казачество была поддержана астраханскими калмыками, частью калмыцкой интеллигенции и духовенством западного региона Калмыцкой степи, Малодербетовского, Манычского, Икицохуровского, Большедербетовского улусов, а

¹ Этот статус официально был провозглашен еще в 1694 г. «с привлечением к обязательной казачьей службе» [Шовунов 1992: 38].

² Данзан Тундутов, как и его отец, Давид, получил образование в Москве, в Катковском лицее. Однако военная карьера привлекала его больше. Впоследствии он перешел на службу в Пажеский корпус, находившийся в Варшаве. По его окончании он был направлен в Гродненский Гусарский полк. После путешествий по Европе в 1914 г. Данзан Тундутов вернулся в калмыцкую степь. Здесь он поступил офицером в распоряжение Генерального штаба, генерала Жилинского, затем стал адъютантом Начальника Генерального штаба генерала Янушкевича. За «храбрость», «полное презрение к смерти», а также «добровольное исполнение опасных поручений» [Балинов 1936: 12] он был награжден Анненским темляком (знак отличия в виде ленты ордена Святой Анны с серебряной кистью, носимый на холодном оружии. — Д. Т.) и орденом Почетного легиона [Балинов 1936: 12].

также зайсангами и частью интеллигенции последнего из указанных улусов [Борисенко, Горяев 1998: 13; Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 42]. Трудовое население этих территорий, в частности крестьянство, было настроено против «оказачивания» [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 45]¹. Против были также «младо-калмыки»² и калмыкитыловики. Таким образом, Тундутов и его группы ориентировались, в основном, на буддийское духовенство. Согласно их плану, в Калмыкии должно было появиться больше хурулов и, соответственно, возрасти число духовных лиц.

В сентябре 1917 г. калмыцкий народ в лице астраханских калмыков формально был причислен к казачеству. Окончательно же переход в казачество был оформлен в том же году в Астрахани, на проходившем с 15 по 24 декабря заседании «Малого Законодательного круга калмыцкого Астраханского Казачьего войска».

Одновременно с созданием Калмыцкого казачьего войска в Калмыцкой степи проходил процесс установления власти Советов, начало которому было положено в октябре 1917 г. Вопрос перевода волжских калмыков в казачество в целом был завершен к началу 1918 г. К этому времени Калмыкия уже была погружена в мировые политические процессы. Привычный образ жизни людей все активнее рушился, уступая место хаосу, развалу, предвещая кровавую борьбу между различными общественными силами.

12 января 1918 г. был начат обстрел Астраханского кремля. Бой продолжался восемь дней и закончился разгромом в пользу красногвардейцев. Настроение казаков стало меняться. Одни стали переходить на сторону красных, признав Советскую власть, другие склонялись к нейтралитету, третьи считали, что ход войны уже решен и она однозначно будет проиграна. Казачье войско условно разделилось на две группы. Одна из них покинула Астрахань.

¹ К примеру, агитаторы, крестьяне села Княжево, призывавшие калмыков не вступать в казачество, разъясняли им, что, по сути, они выступают «против насилия и кровопролития, а также самовольных захватов лошадей и имущества» [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 45].

² Младо-калмыки — большедербетовские студенты мужской Ставропольской гимназии, увлеченные культурно-просветительскими идеями. Руководителем группы, куда также входили Ефим Чонов, Егор Сайков, был Лиджи Карвенов.

Часть другой группы, включавшая в себя около 400 чел., под руководством полковников Д. Тундутова и К. В. Сахарова, приняла решение уйти на Дон [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 52].

В начале марта 1918 г. отряд Красной армии оказался разбит белогвардейцами в районе балки Булукта. В итоге 35 человек были убиты, 75 — взяты в плен. Д. Тундутов был отправлен в тюрьму близ станицы донских калмыков Цевднякинской. Однако среди буддийского духовенства он находился недолго. Переодевшись в одежду буддийского монаха, он бежал. К июню того же года Д. Тундутову, после очередного ареста, удалось получить финансовую поддержку от германского правительства. В обмен на программу поддержки и защиты интересов немцев со стороны казаков и калмыков антибольшевистской армии ему удалось сформировать дивизию Астраханского казачьего войска. В связи с арестом генерала Бирюкова нойон Тундутов стал ее атаманом [Горяев, Борисенко 1998; Очиров 2006; Иванько, Наберухин, Орехов 1968].

Под командованием атамана Всевеликого Войска Донского, генерала П. Н. Краснова, а также под предводительством члена Донского войскового правительства Бадмы Уланова и помощника окружного атамана Сальского округа, впоследствии ставшего полковником, Абуша Алексеева, на Дону были также сформированы конные полки из донских калмыков: 3-й Донской Калмыцкий и 80-й Зюнгарский.

К осени 1918 г. части Донской армии решили захватить Царицын. Наступая с южного направления, Волжский отряд занял почти весь Малодербетовский улус. Однако постепенно войска донского атамана П. Н. Краснова стали сдавать свои позиции. 2 октября 1918 г. он оказался разбит силами дивизии советского военначальника, командира рабоче-крестьянской Красной армии Д. П. Жлобы [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 81-82; Горяев, Борисенко 1998: 27; Очиров 2006: 253]. Ввиду этой неудачи, генерал был вынужден покинуть свой пост. Командование белогвардейским войском с этого времени находилось под руководством А. И. Деникина. После ухода П. Н. Краснова оставил атаманство и Д. Тундутов.

В начале 1919 г. в рядах Белой армии на Юге России произошло объединение раз-

личных сил. В ее состав вошли 80-й Зюнгарский, 3-й Калмыцкий, 2-й Астраханский сводный и Манычский калмыцкий полки. К концу осени того же года почти вся территория Калмыцкой степи была сосредоточена в руках белогвардейцев, однако, как оказалось, ненадолго. Со стороны отрядов Красной армии белогвардейским частям был нанесен сокрушительный удар, в результате которого произошел перелом в ходе всей Гражданской войны. Особо отличилась 4-я Кавалерийская дивизия Первой Конной армии под командованием О. И. Городовикова. Белогвардейские войска в ходе боев были постепенно вытеснены с калмыцкой территории. Деникинским частям, продвигавшимся на юг, не было смысла сопротивляться. Победа красных была очевидна. Уже к марту 1920 г. частями 11-й Красной армии все улусы были освобождены, и повсеместно была восстановлена Советская власть [Очилов 2006; Иванько, Наберухин, Орехов 1968; и др.].

Остатки белогвардейских полков стремительно отходили на юг: на Кубань (к Екатеринодару), далее — к Адлеру, Новороссийску и Туапсе. Вместе с ними следовали и беженцы, в основном, из Сальских степей. Трагедия, происходившая в тот момент с калмыцким народом, заслуживает, безусловно, отдельного исследования. С. Балыков в романе «Девичья честь» делится воспоминаниями о том, по какому маршруту двигались люди: «В сумятице и бестолковщине калмыцкое беженство разделилось на две главные части и пошло двумя путями. Одна из них, следуя за Зюнгарским полком, пошла по горным ущельям к морю — на Ашэ, другая же, следуя за молодым, 3-м калмыцким полком, вдоль железной дороги пошла на Новороссийск» [Балыков 1993: 223]. Для них, как и для всей Белой армии, началась длинная череда мучений и смертей.

В рассказе «Четыре встречи» писатель кратко описывает уход Зюнгарского полка в Адлер. У Нового городка погрузкой на пароход на лодках управляли матросы-англичане. Они размещали людей по своему усмотрению, отдавая предпочтение не простым людям, а непосредственно военным. Лишь немногим беженцам удалось попасть на пароходы. Некоторая часть из них в панике стала добровольно сдаваться в смертельный плен большевикам. Многие были сразу расстреляны. В романе «Девичья

честь» С. Балыков обращает внимание и на тот факт, что многие, находясь на Новороссийской пристани, «битком набитой войсками, беженцами, лошадьми и подводами» [Балыков 1993: 240], стали бросаться в море. В романе «Девичья честь» главные герои, Бадня Цагаков¹ и Зиндмья Абушинова², в развязке действия также решают проститься с жизнью, прыгнув с причала в открытое море: «... Лучше смерть по своей воле и сразу, чем после ползаний перед врагом на коленях» [Балыков 1993: 246], — рассуждал Бадня перед смертью. И на тот момент так думали многие, ибо впереди их ждали плен, унижения и, в конце концов, мучительная смерть. Об этом впоследствии писали и другие очевидцы. Так, И. М. Калинин вспоминал: «Отчаливая от мола, иные калмычата швыряли о камень своих детишек, а сами бросались в воду» [Калинин 2012: 18].

Согласно содержанию романа С. Балыкова «Девичья честь», определенное количество белоказаков, донских и кубанских, скопившихся в порту Новороссийска (лучшие командиры донских полков и батарей), отправились в Грузию. Уговаривали они и своего командира, полковника Гавриила Эрдневича Тепкина (1891–1920). Однако молодой командир Зюнгарского полка был настроен «идти на новую борьбу» и биться до конца, «... чем добровольно сдаваться живыми и здоровыми красным зверям» [Балыков 1993: 251]. По приказу генерала Калинина отход белых к Новороссийску прикрывала вторая сотня этой части, для которой «обстановки, предрасполагающей к неисполнению приказаний, не существовало» [Балыков 1993: 253]. Что же касается полковника Г. Тепкина, то он ждал до последнего свою часть. И только по ее прибытии сам сел на пароход³.

В романе «Девичья честь» С. Балыкова описывается печальная история 3-го Кал-

¹ Прототипом героя послужил Эрдне Пуков (1897–1920), сын донского калмыка, бывшего станичного атамана Санчира Пукова [Борманжинов 1998: 114–125]. Писатель Санжи Балыков нередко подписывал свои публицистические статьи именем своего героя Бадни Цагакова, взяв его за псевдоним.

² Прообраз Зиндмьи Абушиновой — учительница Сара Алексеева (1898–1980), жена эмигранта, врача, общественно-политического деятеля Эрэнджена Хара-Давана [Борманжинов 1998: 114–125].

³ По свидетельству историков, приехав в Крым, Г. Тепкин заболел брюшным тифом и умер.

мыцкого полка донских калмыков, который из Адлера должен был перебраться в Крым. Присоединив к полку 100 человек черкесов, войска пошли на восток. По дороге они были перехвачены и взяты в плен зелеными. Командир полка, полковник С. П. Слюсарев, уверив солдат, что помощь скоро подоспеет, сел в лодку и уплыл, якобы за подачей парохода. Больше он к своему полку не вернулся, бросив его на произвол судьбы в самый тяжелый момент. На пароход, отплывавший в Крым, он все-таки успел сесть, нарочно и судорожно тряся перед собой развешиваемым знаменем армии Врангеля [Балыков 1993: 245].

14 марта 1920 г. Белая армия (понятно, что не в полном своем составе) была переправлена на судах из района Новороссийска в Крым. Остальные полки были вывезены из других портов. В «Воспоминаниях о Зюнгарском полку» С. Балыков, делясь пережитым, писал, что большая часть Донской армии, под которой он подразумевал казаков, бросая винтовки и патроны, стала сдаваться и переходить на сторону красных. Добровольческая армия, в составе которой числился Зюнгарский полк, добралась в Крым и была включена в состав Русской армии¹ генерала П. Н. Врангеля.

По свидетельству писателя, крымский период в смысле боевых удач был самым блестящим. С начала операции зюнгарцы были в составе 2-й Донской дивизии Донского корпуса. Самым памятным между белыми и красными был бой в Северной Таврии над упомянутым выше «известным на юге России красным конником» [Калинин 2012: 138] Д. П. Жлобой. Как писал позже советский государственный деятель М. И. Калинин, он позорно умчался на автомобиле, потеряв в один миг и свое боевое войско, и свою боевую славу. Говоря же о калмыках, он отмечал, что держались они достойно и выглядели настоящими «героями» [Калинин 2012: 145]².

Несмотря на первые победы в дальнейшем обстоятельства сложились далеко не в пользу Белой армии³. Подписав перемирие с Польшей, в середине 1920 г. большевики, в частности Южный фронт под командова-

нием М. В. Фрунзе, ворвались в Крым, наголову разбив противника. Русская армия во главе с командующим вынуждена была начать отступление.

В ноябре того же года по приказу генерала Врангеля войска в панике последовали на суда и были отправлены в Турцию. Из портов Керчи, Феодосии, Севастополя, Новороссийска эвакуация проходила несколько дней по несколько сотен судов. Уходили и беженцы, из числа которых предпочтение при погрузке отдавалось только мужчинам (возможно, из-за нехватки военной силы). Женщинам, в свою очередь, не оставалось ничего другого, как отрезать косы, переодеться в армейское обмундирование и под видом солдат пробраться на пароход [Алексеева 2010: 142]. Ссылаясь на берлинскую эмигрантскую газету «Руль», Л. К. Шкаренков подчеркивает, что на момент эвакуации «число покончивших самоубийством и сброшенных в море не поддается счету» [цит. по: Шкаренков 1981: 12]. Для тех же, кто попал на суда, пребывание там было настоящим испытанием. Вместо 600 чел. там находились около 3 000 чел. Люди задыхались от тесноты, замерзали от холода, терпели голод и жажду, многие, у кого не выдерживала психика, сходили с ума [Шкаренков 1981: 13].

На сегодня остается неизвестным точное количество эвакуировавшихся в Турцию калмыков. И. Б. Михалинов приводит цифру 3 000 чел., при этом 2 000 чел. уехали в СССР, соответственно, в Европе их осталось до 1 000 чел. [Михалинов 1936: 19]. По воспоминаниям С. Балыкова, которые он отразил в рассказе «Четыре встречи», на разных пароходах за границу выехало больше 3 000 калмыков. Примерное такое же количество людей осталось в Крыму, не успев на погрузку [Балыков 1976: 52]. В рапорте Данзана Тундудова, который он вручил по возвращению из-за границы бывшему Верховному главнокомандующему А. А. Брусилову 3 декабря 1922 г., говорилось, что в лагере «Лихтенгорст» находилось до 1 400 чел. Доктор Э. Хара-Даван на вопрос О. Ш. Насунова о том, каково количество калмыков за рубежом, писал, что на 1922 г. за границей «остались во всех странах сейчас меньше 1 000 чел., из них в Сербии — 200, в Болгарии — 16, в Чехии — 30 учеников и пять семей учителей, в Константинополе — 600. Из них 400 служат у англичан, которые после подписания Ло-

¹ Так была переименована Добровольческая армия генерала П. Н. Врангеля.

² За отличия в боях «зюнгарцы» получили серебряные трубы с Николаевскими (ордена св. Николая Чудотворца) лентами [Очиров 2006: 362]. В боях отличился также второй Астраханский казачий полк.

³ Подробнее о боях в Крыму см. «Воспоминания о Зюнгарском полку» С. Балыкова [2005].

заннского мирного договора должны тоже эвакуироваться в Константинополь для возвращения домой. Слышал, что они собираются в Сербию и Болгарию...» [НА РК. Ф.Р. 112. Оп. 1. Д. 1].

А. Т. Горяев и И. В. Борисенко, проведя анализ, приходят к мнению о том, что названные Тундутовым группы не могут быть причислены к числу «врангелевских» калмыков. Возможно, это были более ранние эмигрантские образования: калмыки, покинувшие Калмыцкую степь в начале Гражданской войны в 1919 г. Авторы склонны считать, что цифровые свидетельства С. Б. Балыкова и И. Б. Михалинова в большей степени близки к действительности, при этом они уточняют, что «приведенные ими данные включали и „белых“ астраханских калмыков, также отплывавших в Турцию на судах Врангеля» [Горяев, Борисенко 1998: 49].

По прибытии в Турцию калмыки были расселены в лагеря для беженцев: Берандор, Селине, Кабаджа, Тузла, Халхи. Армия А. П. Врангеля была отправлена на остров Гиллиполи. Турецкая администрация, особенно после прихода к власти Кемаля Ататюрка, была настроена враждебно к эмиграции, прибывшей из России [Раев 1994: 32]. Лагеря, куда были помещены эмигранты, были организованы властью Турции спешно. Условий проживания в них не было никаких. Для военных были приспособлены наспех сделанные холодные сараи. Особенно тяжело для армейских корпусов проходил зимний период. По воспоминаниям С. Балыкова, зиму 1920–1921 гг. калмыцкий полк, в который входили люди из бригады генерала А. П. Фицхелаурова (18-й Донской и Зюнгарский полки), провел в военном лагере на станции Кабаджа. На тот момент он являлся адъютантом командира полка. Вспоминая тяготы лагерной жизни, писатель отмечал: «В норах, вырытых в сырой земле и накрытых землей же, прозимовали здесь калмыки, терпя голод и холод» [Балыков 1976: 52].

Ввиду тяжелого материального и социального положения бойцы (остатки Врангелевских войск) стали наниматься на службы во французский иностранный легион, Алжир, Тунис, Сирию, на плантации Бразилии, в джунгли Парагвая и Перу, в конный военный транспорт и оккупационный центр Англии и т. д., другие занимались рубкой леса, строительными работами. Од-

ним словом, работали, где придется. Армия А. П. Врангеля, несмотря на изначальную позицию и задачу главнокомандующего сохранить войско, стала рассеиваться.

В 1918 г. в Турции произошла буржуазная национально-освободительная революция (1918–1923) под предводительством османского реформатора, государственного деятеля Мустафы Кемаля Ататюрка (1881–1938). В связи с этими событиями беженцы и остатки Белой армии вынуждены были перебраться в Болгарию, в Королевство сербов, хорватов и словенцев и Чехословакию. Позже, в конце 1920-х — начале 1930-х гг., многие из них эмигрировали на север и юг Франции, единицы вернулись в Словакию (например, писатель Санджи Балыков), уехали в Аргентину (Эрди Бурулдушов) и Россию (Нури Маглинов, Басанг Кушлынов и др., которые были расстреляны).

Наряду с проходившим процессом эвакуации калмыков в другие страны зарубежья, в 1921 г. в эмигрантской среде начался процесс репатриации. Основываясь на архивных материалах, следует отметить, что, если первой волне возвращенцев (примерно до 1925 г.) удавалось не просто уехать, но и обустроиться на родине, получить работу, благодаря политическим руководителям Калмыкии 20-х гг. XX в., то уже в последующие этапы попытки покинуть пределы чужбины заканчивались массовыми репрессиями возвращенцев и последующими расстрелами. И это, несмотря на постановление ВЦИК от 21 ноября 1921 г.: «Принять возвратившихся граждан в состав населения Калмоласти, восстановить их во всех правах гражданина РСФСР, не привлекать указанных граждан за деяния, совершенные с момента возвращения их в РСФСР, отправить всех их на места постоянного местожительства» [НА РК. Ф.Р. 3. Оп. 10. Д. 496. Л. 57]. Для беженских групп калмыков, находившихся в Болгарии, Сербии, Чехословакии, Франции и других странах, стало очевидным, что вернуться на родину они уже не смогут никогда.

Возвращаясь к вопросу рассмотрения процесса зарождения калмыцкой эмиграции, следует отметить, что её историю, возникшую в результате событий Великой Российской революции и поражения Белой армии калмыцкой эмиграции, можно охарактеризовать как трагическую в полном смысле этого слова. Оказавшись на

чужбине, эмигранты понимали, что назад пути больше нет, и были вынуждены приспособляться к тяжелым условиям жизни. Калмыцкое зарубежье, оставшееся в эмиграции по политическим взглядам навсегда, безусловно, до конца своих дней было верным антисоветской позиции. Особую роль в этом смысле сыграли репрессии и неоднозначная политика Советской власти, сначала принявшей решение об амнистии, а спустя время изменившей свое решение по неизвестным причинам. Что касается идеи казачества, которая имела место быть до и после вынужденного ухода эмигрантов, то одна группа считала, что крайне необходимо создание федеративного казачьего государства. Другая же группа была настроена против, считая, что главенствующую позицию должно занимать непосредственно научно-культурное направление, а не политическая борьба. В этом отношении ведущим направлением деятельности эмигрантов (в частности Калмыцкой комиссии культурных работников) являлось развитие вопросов просвещения и создание духовных основ культурного возрождения калмыцкого народа, что служило своего рода созидательным компонентом в деле сохранения и развития национального самосознания в изгнании.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия:

Балыков С. Б. Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 284 с.

Балыков С. Б. Сильнее власти. Сборник рассказов. Мюнхен: [б. и.], 1976. 137 с.

Литература

Алексеева П. Э. О людях и времени. Сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.

Алексеева П. Э. Эренджен Хара-Даван и его наследие: сборник статей и материалов. Элиста: Изд. дом «Герел», 2012. 350 с.

Балинов Ш. Н. О княжеском роде Тундутовых // Ковыльные волны. 1936. № 13–14. С. 41–45.

Балыков С. Б. Воспоминания о Зюнгарском полку // Альманах «Белая гвардия». № 8. Казачество России в Белом движении. М.: «Посев», 2005. С. 45–52.

Басангова Т. Г. Обряды и обрядовый фольклор калмыков в романе С. Балыкова «Девичья честь» // Идель-Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. III Межд.

форум, посвящ. 90-летию докт. филол. наук, проф. С. С. Суразакова (г. Горноалтайск, 14–15 июля 2015 г.). Горноалтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. С. 170–171.

Баянова А. Т. «Хонхо» как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / сб. ст. по мат-лам XXXIX Межд. науч.-практ. конф. № 8 (39). Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2014. С. 6–11.

Баянова А. Т. Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 8. С. 15–19.

Баянова А. Т. Первые хрестоматии в книжной культуре калмыков // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 46. С. 79–81.

Бичеев Б. А. Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.): автореф. ... канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.

Борисенко И. В., Горяев А. Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 238 с.

Борманжинов А. О прототипах в «Девичьей чести» // Теегин герл. 1998. № 6. С. 119–122.

Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. 1996. № 8. С. 93–99.

Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. 1997. № 6. С. 109–119.

Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. 1998. № 6. С. 114–125.

Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Шамбала. 2001. № 7, 8. С. 8–19.

Бурыкин А. А. Донские диалектизмы и южнорусская лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санджи Балыкова // Путь к родному слову. Сб. науч. ст. к 60-летию проф. Р. П. Кудрявцева. Волгоград: Изд-во ВГПУ, Библ. «Перемена», 2006. С. 52–62.

Бурыкин А. А. Калмыцкие слова, южнорусская региональная лексика и калмыцко-русское двуязычие как средство создания этнического и регионального колорита в русскоязычной калмыцкой литературе (на материале творчества С. Балыкова) // Русская речь в национальном окружении: сб. науч. тр. / под ред. Т. С. Есеновой и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. Вып. III. С. 109–130.

Гучинова Э.-Б. М. Улица Kalmuk Road: История, культура идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.

Джамбинова Р. А. Шаги духовного примирения: к 100-летию писателя Санджи Балыкова // Теегин герл. 1993. № 5. С. 91–104.

- Джамбинова Р. А. Возвращение // Теегин герл. 1991. № 6. С. 117–121.
- Джамбинова Р. А. В потоке безвременья // Писатель и время. Элиста: АПП «Джангар», 1996. С. 100–118.
- Джамбинова Р. А. Судьбы первопроходцев // Роман и автор. Новые грани художественности (1960–1990-е гг.). Элиста: АПП «Джангар», 1996. С. 100–118.
- Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов В. И. Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 1968. 148 с.
- Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: заметки бывшего прокурора. М.: Традиция, 2012. 464 с.
- Мацакова Н. П. Калмыцкая общественная мысль в эмиграции // Сборник публикаций научного журнала «Globus» по материалам IV международной научно-практической конференции: «Достижения и проблемы современной науки» (29 октября 2015 г.). Ч. I. СПб.: Научный журнал «Globus», 2015. С. 61–68.
- Михалинов И. Новороссийск. Воспоминания рядовых казаков Калмыцкого и Зюнгарского полков // Ковыльные волны. 1936. № 12. С. 13.
- Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.
- Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
- Шарманджиев Д. А. Из истории калмыцкой эмиграции XX в. в европейские страны и США // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 117–124.
- Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981. 231 с.
- Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, КИОН РАН, 1992. 320 с.

Sources

- NA RK — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Balykov S. B. *Devich'ya chest'*. *Istoriko-bytovaya povest'* [The Maiden's Virtue. A historical and household novel]. Elista, Dzhangar Publ., 1993, 283 p. (In Russ.).
- Balykov S. B. *Sil'nee vlasti. Sbornik rasskazov* [Stronger than Authorities. Collected short stories]. Munich, 1976, 144 p. (In Russ.).

References

- Alekseeva P. E. *O lyudyakh i vremeni. Sb. st.* [About people and time. Collected articles]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2010, 176 p. (In Russ.).
- Alekseeva P. E. *Erendzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statey i materialov* [Erendzhen Khara-Davan and his heritage: collected articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, 350 p. (In Russ.).
- Balinov Sh. N. *O knyazheskom rode Tundutovykh* [About the Tundutovs, a princely clan of the Kalmyks]. *Kovyl'nye volny* (Feather-Grass Waves journal), 1936, No. 13/14, pp. 41–45 (In Russ.).
- Balykov S. B. *Vospominaniya o Zyungarskom polku* [Memoirs about the Zyungarsky Regiment]. *Al'manakh «Belaya gvardiya». №8. Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii* [The White Guard almanac. No. 8. Russia's Cossacks within the White Movement]. Moscow, Posev Publ., 2005, pp. 45–52 (In Russ.).
- Basangova T. G. *Obryady i obryadovyy fol'klor kalmykov v romane S. Balykova «Devich'ya chest'»* [Kalmyk rituals and ceremonial folklore in S. Balykov's *The Maiden's Virtue*]. *Idel'-Altay: istoriya i traditsionnaya kul'tura narodov Evrazii. III Mezhd. forum, posvyashch. 90-letiyu dokt. filol. nauk, prof. S. S. Surazakova (g. Gornoaltaysk, 14–15 iyulya 2015 g.)* [Idel'-Altai: History and Traditional Culture of Eurasian Peoples. 3rd Internat. forum ... Gorno-Altaysk, 14–15 July 2015]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya Tipografiya Publ., pp. 170–171 (In Russ.).
- Bayanova A. T. *Kalmytskie emigrantskie izdaniya v knizhnoy kul'ture kalmykov* [Kalmyk émigré publications in the book culture of the Kalmyks]. *Yazyk i kul'tura* (Language and Culture), Novosibirsk, 2013, No. 8, pp. 15–19 (In Russ.).
- Bayanova A. T. *«Khonkho» kak fenomen knizhnoy kul'tury kalmytskogo zarubezh'ya* [‘Honcho’ as a phenomenon of book culture of Kalmyk diaspora in Europe]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologi / sb. st. po mat-lam XXXIX Mezhd. nauch.-prakt. konf. № 8 (39)* [In the World of Science and Arts: Questions of Philology, Art Studies and Culturology. Collected articles of the 39th Internat. research and practice conf. No. 8 (39)]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2014, pp. 6–11 (In Russ.).
- Bayanova A. T. *Pervye khrestomatii v knizhnoy kul'ture kalmykov* [The book culture of the Kalmyks: earliest chrestomathies]. *Kul'turnaya*

- zhizn' yuga Rossii* (Cultural Studies. Russian South), 2012, No. 46, pp. 79–81 (In Russ.).
- Bicheev B. A. *Vliyaniye pis'mennykh pamyatnikov i fol'klora na razvitiye kalmytskoy literatury (20–30 gg.): avtoref. ...kand. filol. nauk* [Influence of written monuments and folklore on the development of Kalmyk literature (1920–1930s): a Ph.D. thesis abstract]. Moscow, 1991, 23 p. (In Russ.).
- Borisenko I. V., Goryaev A. T. *Ocherki istorii kalmytskoy emigratsii* [Sketches on the history of the Kalmyk expatriate community]. Elista, Dzhangar Publ., 1998, 238 p. (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *O prototipakh v «Devich'ey chesti»* [About prototypes of characters of *The Maiden's Virtue*]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1998, No. 6, pp. 119–122 (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *Zapiski o kalmytskoy diaspole* [Notes about the Kalmyk expatriate community]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1996, No. 8, pp. 93–99 (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *Zapiski o kalmytskoy diaspole* [Notes about the Kalmyk expatriate community]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1997, No. 6, pp. 109–119 (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *Zapiski o kalmytskoy diaspole* [Notes about the Kalmyk expatriate community]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1998, No. 6, pp. 114–125 (In Russ.).
- Bormanzhinov A. *Zapiski o kalmytskoy diaspole* [Notes about the Kalmyk expatriate community]. *Shambhala* (Shambhala journal), 2001, No. 7, 8, pp. 8–19 (In Russ.).
- Burykin A. A. *Donskie dialektizmy i yuzhnorusskaya leksika v yazyke russkoyazychnoy prozy kalmytskogo pisatelya Sandzhi Balykova* [Don dialecticisms and Southern Russian lexis in the Russian language prose of Kalmyk writer Sandzhi Balykov]. *Put' k rodnomu slovu. Sb. nauch. st. k 60-letiyu prof. R. P. Kudryavtseva* [A way to the native word. A collection of scholarly articles celebrating the 60th anniversary of Prof. R. Kudryavtsev]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical University Press, 2006, pp. 52–62 (In Russ.).
- Burykin A. A. *Kalmytskie slova, yuzhnorusskaya regional'naya leksika i kalmytsko-russkoe dvuyazychie kak sredstvo sozdaniya etnicheskogo i regional'nogo kolorita v russkoyazychnoy kalmytskoy literature (na materiale tvorchestva S. Balykova)* [Kalmyk words, Southern Russian regional lexis and Kalmyk-Russian bilingualism as means to express ethnic and regional features in the Russian language Kalmyk literature (evidence from S. Balykov's works)]. *Russkaya rech' v natsional'nom okruzenii: sb. nauch. tr. / pod red. T. S. Esenovoy i dr.* [Russian speech in non-Russian ethnic surroundings: collected scholarly papers. Edit. by T. Esenova]. Elista, Kalm. State University Press, 2006, iss. III, pp. 109–130 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *Shagi dukhovnogo primireniya: k 100-letiyu pisatelya Sandzhi Balykova* [Steps towards spiritual reconciliation: celebrating the 100th anniversary of S. Balykov]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1993, No. 5, pp. 91–104 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *Sud'by pervoprokhodtsev* [Destinies of the pioneers]. *Roman i avtor. Novye grani khudozhestvennosti (1960–1990-e gg.)* [A novel and its author ...]. Elista, Dzhangar Publ., 1996, pp. 100–118 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *V potoke bezvremen'ya* [In the stream hard times]. *Pisatel' i vremya* [The writer and time]. Elista, Dzhangar Publ., 1996, pp. 100–118 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *Vozvrashchenie* [The return]. *Teegin gerl* (Light in the Steppe journal), 1991, No. 6, pp. 117–121 (In Russ.).
- Guchinova E.-B. M. *Ulitsa Kalmuk Road: Istoriya, kul'tura identichnosti v kalmytskoy obshchine SSHA* [Kalmuk Road: history, culture and identities in the US Kalmyk expatriate community]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2004, 340 p. (In Russ.).
- Ivanko N. I., Naberukhin A. I., Orekhov V. I. *Velikiy Otktyabr' i grazhdanskaya vojna v Kalmykii* [The Great October and Russian Civil War in Kalmykia]. Elista, Dzhangar Publ., 1968, 148 p. (In Russ.).
- Kalinin I. M. *Pod znamenem Vrangelya: zametki byvshego prokurora* [Under Wrangel's banner: memoirs of an ex-military judge]. Moscow, Traditsiya Publ., 2012, 464 p. (In Russ.).
- Matsakova N. P. *Kalmytskaya obshchestvennaya mysl' v emigratsii* [Kalmyk social thought in emigration]. *Sbornik publikatsiy nauchnogo zhurnala «Globus» po materialam IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: «Dostizheniya i problemy sovremennoy nauki» (29 oktyabrya 2015 g.). Ch. I* [Collected publications of *Globus* scholarly journal based on the proceedings of the 4th International research and practice conf. Achievements and Problems of Modern Science (29 October 2015. Part I)]. St. Petersburg, *Globus* (scholarly journal), 2015, pp. 61–68 (In Russ.).
- Mikhalinov I. *Novorossiysk. Vospominaniya ryadovykh kazakov Kalmytskogo i*

- Zyungarskogo polkov* [Novorossiysk. Memoirs by private Cossacks of the Kalmytsky and Zyungarsky Regiments]. *Kovyl'nye volny* (Feather-Grass Waves journal), 1936, No. 12, p. 13 (In Russ.).
- Ochirov U. B. *Kalmykiya v period Grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.)* [Kalmykia during the Russian Civil War (1917–1920)]. Elista, Dzhangar Publ., 2006, 448 p. (In Russ.).
- Raev M. *Rossiia za rubezhom: Istorii kul'tury russkoy emigratsii. 1919–1939* [Russia abroad: history of culture of the Russian expatriate community. 1919–1939]. Moscow, Progress–Akademiya Publ., 1994, 296 p. (In Russ.).
- Sharmandzhiev D. A. «*Iz istorii kalmytskoy emigratsii XX v. v evropeyskie strany i SShA*» [From the history of 20th century Kalmyk emigration to European countries and the USA]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review journal), 2013, No. 3, pp. 117–124 (In Russ.).
- Shkarenkov L. K. *Agoniya beloy emigratsii* [Agony of the white emigration]. Moscow, Mysl Publ., 1981, 231 p. (In Russ.).
- Shovunov K. P. *Kalmyki v sostave rossiyskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII–XIX vv.)* [Kalmyks within Russia's Cossack troops (mid-to-late 17th-19th cc.)]. Elista, Cossack Association of Kalmykia Press, Kalm. Institute of Social Sciences (RAS) Press, 1992, 317 p. (In Russ.).
-

**ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(20–30-е гг. XX в.)**

Делгир Юрьевна Топалова ¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: topalovady@kigiran.com

Аннотация. Говоря о проблеме зарождения калмыцкой эмиграции, следует отметить, что это сложное явление представляет собой феномен. Подтверждением этому служит тот факт, что, оказавшись на чужбине, вытесненные из родины, калмыки-эмигранты, несмотря на свою малочисленность, а также тяжелые, подчас трагические условия жизни, не подверглись ассимиляции. Напротив, свою деятельность, все интеллектуальные силы они направили на благо национального возрождения своего народа: сохранение исторической памяти, самосознания, языка, письменности и литературы. Можно с полной уверенностью сказать, что, несмотря на то, что калмыки-эмигранты находились на чужбине, каждый из них жил с внутренним ощущением тождественности ко всему, что происходило на родине, в далекой и любимой сердцу Калмыкии. Об этом свидетельствует просветительская, издательская, историко-публицистическая, а также литературная деятельность лидеров калмыцкой эмиграции: Санжи Баянова, Бадмы Уланова, Шамбы Балинова, Санжи Балыкова и др. Любая изданная работа, будь то доклад, очерк или же стихотворение, представляет собой, по сути, плод выстраданного жизненного опыта, свидетельствует о безусловном приоритете национального начала. По сути, это и помогло калмыкам-эмигрантам, находясь на чужбине, самосохраниться как нации.

Прежде чем приступить к изучению главной проблемы нашего исследования — литературной деятельности калмыцкой эмиграции, на основе исторических материалов, архивных документов и литературных художественных произведений писателя-эмигранта С. Балыкова нами была изучена история зарождения калмыцкой эмиграции XX в., связанная с вынужденным отъездом калмыцкого народа в годы Великой Российской революции в страны Западной Европы, а после — и США. Оказавшись на чужбине, эмигранты понимали, что назад пути больше нет, и были вынуждены приспособляться к тяжелым условиям жизни. В истории калмыцкого зарубежья, как и в истории русской эмиграции, имела место репатриация, однако и она закончилась для эмигрантов драматически. Как известно, в начале 30-х гг. XX в. процесс возвращения эмигрантов на родину закончился массовыми репрессиями и последующими расстрелами. Говоря о проблеме зарождения калмыцкой эмиграции, автор приходит к выводу о том, что историю, возникшую в результате событий Великой Российской революции и поражения Белой армии калмыцкой эмиграции, можно охарактеризовать как трагическую. Безусловно, до конца своих дней калмыцкое зарубежье оставалось верным антисоветской позиции.

Ключевые слова: история, художественные произведения, С. Балыков, Великая русская революция, калмыцкая эмиграция, казачество, Белая армия, Зюнгарский полк, эвакуация, политика.